

МОТИВ ТОСКИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «КЛАРА МИЛИЧ»

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Аннотация: в настоящей статье автор обращается к анализу эмоционально-ценностной ориентации повести И. С. Тургенева «Клара Милич» с целью выявления ее религиозного подтекста. Автор исходит из той методологической установки, согласно которой эмоционально-ценностная ориентация мысли и творчества И. С. Тургенева представляет собой взаимодействие двух ценностных иерархий, аксиологические доминанты которых, природа и человеческая личность, находятся в непримиримом конфликте. Типологически и генетически эти иерархии связаны с двумя типами религиозных парадигм – пантеистической и теистической. В рамках указанного взаимодействия важную роль занимает настроение тоски. Оно имеет метафизические основания и выполняет важную мировоззренческую функцию, а именно, является той точкой, в которой сосредоточено отношение повествования к альтернативным ценностным иерархиям и связанным с ними религиозным парадигмам. В цикле «таинственные повести» настроение тоски объективируется в один из ведущих мотивов. Анализ особенностей его формирования, структуры и функционирования на материале повести «Клара Милич» позволяет определить, с учетом какой именно аксиологической парадигмы организована область идейно-эмоциональной ориентации этого произведения, и выявить таким образом его религиозный подтекст.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «таинственные повести», «Клара Милич», любовь, природа, личность, вера, религия, тоска, уныние, пантеизм, теизм.

Abstract: in this article, the author addresses the analysis of the emotional-valuable orientation of Turgenev's novel «Klara Milich» in order to reveal its religious connotations. The author proceeds from the methodological approach according to which the emotional-valuable orientation of I.S. Turgenev's thought and work is the interaction of two value hierarchies, the axiological dominants of which, nature and the human personality, are in irreconcilable conflict. Typologically and genetically, these hierarchies are associated with two types of religious paradigms - pantheistic and theistic. Within this interaction, the mood of longing plays an important role. It has metaphysical bases and carries out the important world outlook function, namely, it is that point in which the narrative attitude to alternative value hierarchies and the religious paradigms connected with them is concentrated. In the cycle «mysterious stories», the mood of longing is objectified into one of the leading motives. The analysis of the peculiarities of its formation, structure and functioning on the material of the «Klara Milich» story makes it possible to determine, taking into account which axiological paradigm the area of ideological and emotional orientation of this work is organized and thus to reveal its religious connotation.

Keywords: I. S. Turgenev, «mysterious stories», «Clara Milich», love, nature, personality, faith, religion, longing, gloom, pantheism, theism.

И. С. Тургенев не является писателем религиозным в прямом смысле этого слова, но его творчество находится в диалоге с традицией религиозной веры. Для того чтобы это продемонстрировать, исследователи обращаются как к формально-содержательной стороне его произведений, так и к особенностям его мировоззрения. В настоящей статье мы ставим цель продемонстрировать, что религиозный подтекст творческого наследия И. С. Тургенева можно выявить, обратившись в том числе к области его «эмоционально-ценностной ориентации» [1, 10–12].

Нередко, определяя доминантную эмоцию творчества И. С. Тургенева, исследователи говорят о том, что для него характерна «трагическая установка духа» [2, электронный ресурс]. Суть трагического заключа-

ется в ощущении присутствия в мире неразрешимого конфликта между двумя равнозначными, но противоположными друг другу ценностями. В художественном мире И. С. Тургенева в такой резкий антагонизм вступают человек, который стремится реализовать свой личностный потенциал, и природа, которая навязывает ему совершенно противоположную модель бытия. Иными словами, каждое из этих начал предлагает и стремится утвердить определенную аксиологическую парадигму, предполагающую в свою очередь собственный «способ достижения бессмертия».

Наличие этого противостояния в творчестве И. С. Тургенева вполне можно объяснить, с одной стороны, его тяготением к пантеистическому мировосприятию, в основе которого лежит идея о преобладании безличного и всеобщего над личным; с другой стороны, влиянием на его мировосприятие теистической

парадигмы в лице восточно-христианской традиции, в основе которой лежат идеи преобладания личного над безличным, идея личного бессмертия, а также идея максимального утверждения и раскрытия личного начала через его жертвенное служение ближнему.

Тезис, который мы попытаемся обосновать, заключается в том, что настроение тоски, которое является ключевым элементом «эмоционально-ценностной ориентации» произведений И. С. Тургенева, имеет метафизические основания и выполняет важную мировоззренческую функцию, а именно, является той точкой, в которой, как в фокусе, сосредоточено отношение повествования к альтернативным ценностным иерархиям, которые, в свою очередь, в контексте мысли и творчества И. С. Тургенева восходят к пантеистическому и теистическому идеалу.

Этот тезис можно продемонстрировать на материале произведений цикла «таинственных повестей». В отличие от социальной проблематики, которая доминирует в романах, в этих повестях на первый план выходит проблематика религиозно-философская. Как заметил по этому поводу Б. И. Бурсов, «в романе Тургенев ставит человека преимущественно перед лицом своей эпохи в её общественном содержании, в повести — перед вечностью» [3, 376]. Кроме того, в отличие от романов, для которых характерно эпическое восприятие действительности [4; 6; 8], эмоционально-ценностная ориентация этих произведений в силу их жанрового своеобразия имеет ярко выраженную трагическую направленность. То есть конфликт между двумя ценностными иерархиями (а по сути, между двумя религиозными парадигмами, теистической и пантеистической), а также отношение повествования к каждой из них представлены здесь максимально наглядно.

Материалом нашего исследования станет одна из самых известных повестей цикла — «Клара Милич» (1882). Настроение тоски является здесь ведущим эмоциональным мотивом. Наша задача заключается в том, чтобы выявить причины его формирования, а также определить особенности его функционирования с точки зрения духовно-нравственной проблематики произведения.

Повесть «Клара Милич» («После смерти») (1882) — самое позднее произведение, которое исследователи относят к циклу «таинственных повестей». Несмотря на то, что в основу сюжета была положена реальная история молодой талантливой певицы Е. П. Кадминой и В. Д. Аленицына, любовь которого к актрисе (принявшей яд прямо на сцене) после ее смерти приняла форму психоза, в художественном переложении И. С. Тургенева эта история тесным образом становится связана с центральной проблематикой всего творчества писателя — противостояние природы и человеческой личности. Соответственно и настроение тоски также играет в произведении огромную роль.

В фокусе авторского внимания оказываются таинственные силы. Эта тема вводится практически

с первых же строк. По словам рассказчика, главный герой верил, что «существуют в природе и в душе человеческой тайны, которые можно иногда прозревать, но постигнуть — невозможно, верил в присутствие некоторых сил и веяний, иногда благосклонных, но чаще враждебных» [5, 69]. Повесть есть не что иное, как иллюстрация действия этих сил в жизни двух героев — Якова Аратова и Клары Милич.

С наибольшей силой природное начало сконцентрировано в образе Клары, женщине «демонического» типа [6]. Она воплощение необузданной природной стихии. Об этом говорит уже сам ее портрет. И. С. Тургенев использует характерный для своих повестей прием — наделяет героиню восточными чертами. Ее лицо было «смуглое, не то еврейского, не то цыганского типа, глаза небольшие, черные, под густыми, почти сросшимися бровями <...> Натура страстная, своевольная — и едва ли добрая, едва ли очень умная — но даровитая — сказывалась во всем» [5, 75]. Взгляд у Клары «темный» и «пристальный» [5, 75]. Первоначально на Аратова она производит неприятное впечатление: «черномазая, смуглая, с грубыми волосами, с усиками на губе, она, наверно, недобрая, взбалмошная... “Цыганка”» [5, 79]. Не случайно и то, что «перевитая лентой густая коса падала змеей на обнаженную руку» [5, 99]. Сравнение со змеей — деталь, которая не раз встречается в произведениях цикла при характеристике «природных» персонажей. Это же стихийное природное начало проявляется и в ее своенравном, независимом характере. По словам Анны, сестры Клары, в детстве она была, «несомненно, неприятным ребенком; и в девушках она была не многим мягче: своевольная, вспыльчивая, самолюбивая» [5, 98]. «Она была вся — огонь, вся — страсть и вся — противоречие» [5, 98]. Даже отец Клары, словно прозревая темную сущность своей дочери, называет ее «бесенок черномазый» [5, 99] — опять же характеристика, которой наделяются в художественном мире И. С. Тургенева персонажи, олицетворяющие темную природную стихию.

О том, что Клара является медиумом таинственных сил, свидетельствует и то, что она будто не имеет собственной воли. Не случайно героя поражает нечеловеческая «неподвижность» [5, 76] ее лица, лба и бровей. А когда Купфер, товарищ Аратова, восхищается душевными качествами Клары, тот про себя отмечает: «“Душа! С таким неподвижным лицом!” Он находил, что она и держится и движется, как намагнетизированная, как сомнамбула» [5, 77].

Те силы, которые действуют через Клару, вторгаются в судьбу Аратова под видом любовного чувства. Мы видим, как постепенно оно подчиняет героя себе вопреки его воле. Аратов начинает ощущать это с первой же встречи с Klarой, после которой он унес в душе «смутное и тяжелое впечатление» [5, 72]. Повторно встретив девушку на литературно-музыкальном вечере, где она читала письмо Татьяны Евгению Онегину, он теряет покой. Ее чтение «как будто на-

рушало что-то в нем, являлось каким-то насилием» [5, 78]. Постепенно Яков все больше начинает ощущать, что нечто «тяжелое и темное тайно сопровождало его на всех его путях. Так большая, только что пойманная на крючок, но еще не выхваченная рыба плывет по дну глубокой реки под самой той лодкой, на которой сидит рыбак с крепкой лесой в руке» [5, 86]. Мысль о том, что Клара насильно овладевает Аратовым, проходит лейтмотивом через всю повесть и является одной из причин формирования в ней настроения тоски. После смерти Клары это ощущение порабощенности становится все явственней, пока однажды ночью Яков не понимает, что «в него что-то внедрилось... что-то завладело им» [5, 94]. В итоге сам он осознает, что «в ее власти... он не принадлежит себе более. Он взят» [5, 103]. При этом связь с девушкой первоначально не доставляет Аратову удовольствия. В этом смысле отношения между молодыми людьми чем-то напоминают отношения между героями повести «Призраки». Таинственная незнакомка является рассказчику каждую ночь, путешествует с ним, переносит его с места на место, овладевает им и словно вампир капля за каплей высасывает из него жизнь, чтобы стать полнокровным живым существом. Однако до конца ей сделать этого все же не удается. В «Кларе Милич» все заканчивается иначе. Призрак в такой степени завладевает Аратовым, что забирает его с собой, в область смерти.

Это темная, inferнальная сторона повести. Она наполняет отношения Клары и Аратова тяжелым, гнетущим чувством, глубокой тоской от того, что человек не властен над своей жизнью и смертью, но вынужден подчиняться силам до конца ему неясным и непонятным. То чувство, которым Клара привязывает Аратова к себе, становится для него источником страдания: «В его мольбе, в искаженных чертах его лица было что-то до того отчаянное, что оно походило даже на злобу, на страдание. Да он и страдал действительно. Он словно сам не мог предвидеть, что над ним стряется такая беда,— и раздраженно молил о пощаде, о спасении» [5, 101]. Однако силы природы имеют безраздельную власть над жизнью человека, а потому спасение ждать неоткуда. Именно поэтому Платоша, тетка Аратова, видя перемену в своем племяннике, который пребывает словно «в каком-то оцепенении» [5, 95], «до того растерялась, что даже обычной молитвы своей не произносила. В такой беде и Господь Бог помочь не мог!» [5, 95] Весьма знаменательное замечание: глядя на то, как человек страдает и вынужден подчиняться безликому, часто враждебному началу, Небо молчит. В этом контексте глубоко символично и то замечание, которое делает Анна, сестра Клары. По ее словам, Клара «верила в судьбу и не верила в Бога» [5, 98]. Ведь там, где есть место вере в личное, заинтересованное в тебе Начало, нет места действию безликого фатума и игре равнодушных сил с человеческой судьбой. И наоборот.

Трагизм и настроение тоски усиливаются благодаря тому, что безликая и равнодушная природа получает власть над существом чистым. Аратов именно такой человек. Он «и душой и телом был девственник» [5, 78], отличался «душевной чистотой», «идеальностью» [5, 69], что привлекало к нему окружающих людей. В этом молодой человек похож на свою мать, о которой Платоша говорит: «мать твоя была голубка» [5, 81]. Аратов и живет затворником, словно оберегая себя для чего-то возвышенного. Его пренебрежение тем, в чем находит удовлетворение большинство людей, таково, что Купфер даже замечает ему: «Нравственность — дело хорошее, почтенное... Но зачем же в аскетизм вдаваться? Не в монахи же ты себя готовишь!» [5, 71] Безусловно, в этом образ героя типологически схож с образом тургеневской девушки, является его вариантом. Более того. В своей статье К. В. Лазарева показывает, что подобная характеристика Аратова коренится именно в области христианской культуры. И. С. Тургенев, по ее словам, наделяет героя чертами тех, кого в христианской книжности именуют «тайнозрителями» [7, 50].

Действие враждебной природной стихии, которая подчиняет человека себе против его воли, раскрывается не только в связи с темой любви. В повести присутствует также тема судьбы и фатальной обреченности человеческого существа. В первую очередь она связана с образом Клары. Ее образ амбивалентен, что часто встречается на страницах «таинственных повестей». С одной стороны, она представитель природной стихии, с другой — ее жертва. А потому она совмещает в себе черты темного природного начала и начала светлого, чистого. Сестра считает Клару настолько безупречной, что даже не находит человека, который мог бы быть ее достоин. Ведь мало «кто дорос до того идеала честности, правдивости, чистоты, главное, чистоты, который, при всех ее недостатках, постоянно носился перед нею» [5, 100]. Этот высокий порыв Клары исследователи сравнивают с религиозными исканиями Софи из «Странной истории». По замечанию А. Б. Муратова, для обеих девушек характерно «представление об универсальной испорченности мира и, как следствие, отгороженность от него, напряженность поисков идеала, красоты, бескомпромиссность в отношении к себе и к людям» [8, электронный ресурс]. Именно презрительное отношение к тому, что составляет пошлость этой жизни, устремленность к идеалу и одновременно невозможность его достичь и становятся для девушки причиной страдания и смерти.

В этом опять же мы видим параллель с сюжетом «Призраков», где героиня не просто темное inferнальное существо, но и та, кто хочет стать полнокровным человеком. Подобно таинственной незнакомке Клара не может до конца материализоваться, не может зажить полноценно. Эта полнота, которая есть жизнь по своей воле, связана для нее с раскрытием личностного потенциала. Другое счастье для нее не-

мыслимо: «Не могу жить, как хочу, так и не надо...» [5, 100] Не случайно она была даровитая актриса. Ведь именно в искусстве, по мысли И. С. Тургенева, человек хоть на мгновение обретает бессмертие и реализует свой личностный потенциал. Однако в первую очередь для Клары жить по своей воле означает быть вместе с любимым человеком.

Не получив этого, Клара тоскует, что отражается во всем ее облике. «Выражение унылости» было разлито «по всем ее строгим чертам» [5, 77]. «Какие у нее трагические глаза» [5, 75], — замечает один из персонажей повести. Унылость чувствуется в самом ее голосе [5, 78], и чем стремительней развивается сюжет, чем ближе к смерти она приближается, тем это состояние сильнее. В одну из последних встреч Купфер «большую перемену в ней заметил: скучная такая стала, молчит, по целым часам слова от нее не добьешься» [5, 89]. Эту печаль и тоску чистого, возвышенного существа видит в ее лице и сам Аратов во время их единственного свидания при жизни Клары: «он увидал такое испуганное, такое глубоко опечаленное лицо, с такими светлыми большими слезами на глазах, с таким горестным выражением вокруг раскрытых губ — и так было это лицо прекрасно, что он невольно запнулся и сам почувствовал нечто вроде испуга и сожаления и умиления» [5, 84].

Не удается Кларе полноценно зажить и после своей смерти. И после нее она словно остается во власти неведомых сил, и вынуждена влачить без своего любимого тоскливое призрачное существование, которое началось еще на земле. Именно поэтому при появлении ее призрака Аратову слышится, что «кто-то говорит по-русски, торопливо, жалобно — и невнятно» [5, 106], издает «протяжные звуки... как бы стоны» [5, 106].

Безусловно, эта личная трагедия имеет не бытовые причины. Это результат действия универсального мирового закона, согласно которому, не суждено человеку в этой жизни в полноте овладеть счастьем. Поэтому Клара чувствует свою фатальную обреченность. «Своей судьбы не минуешь» [5, 99], — говорит она сестре перед расставанием. Это замечают и окружающие. «У Кати словно на роду было написано, что она будет несчастна» [5, 100], — говорит ее сестра. «Несчастливая Клара» [5, 79], — не раз повторяет Аратов на протяжении повести.

Итак, если в жизни Аратова темная природная сила проявляет себя в любовном влечении, которое связывает его против воли с Klarой, то в жизни самой Клары эта сила не позволяет ей удовлетворить высокие духовные запросы, наиболее важным из которых является способность любить и быть любимой. В обоих случаях мы имеем дело с подавлением личного начала, что и является основной причиной возникновения мотива тоски на страницах повести.

И все же идейно-эмоциональное содержание произведения включает в себя не только настроение бе-

зыходной тоски и уныния. Подобно образу Клары, тема любви также характеризуется амбивалентностью. Любовь не только темный морок, проявление равнодушной природной силы, которая детерминирует человека. Это еще и светлое, возвышенное чувство, которое преодолевает инерцию природы и тесным образом связано с настроением надежды и светлой печали, «тоски по» тому миру, где человеческая личность может получить удовлетворение своих духовных запросов. Тесным образом эта идея связана именно с линией главного героя. Именно поэтому в начале повести в Аратове живет не только «смутное и тяжелое» предчувствие, он ощущает, что надвигается «нечто значительное» [5, 72]. По словам А. Б. Муратова, «Аратов ощущает губительную власть любви как проявление Неведомого, но это лишь этап в его собственном духовном “прозрении”» [8, электронный ресурс].

Источник той силы, которая стала причиной «магнетизма» двух душ, Аратов постепенно начинает видеть не в безликих силах природы, но в своей собственной девственной чистоте и непорочности Клары. «“Нетронутая!” внезапно поразило его... Словно что и обожгло и осветило. — Да, — промолвил он громко, — она нетронутая — и я нетронутый... Вот что дало ей эту власть!» [5, 105] Метания и тоска Аратова по Кларе в этом аспекте сродни не унынию, а скорее восторженному предчувствию обретения полноты счастья. «Аратов имел вид человека, который узнал великую, для него очень приятную тайну — и ревниво держит и хранит ее про себя» [5, 115]. Клара из мучительницы становится для него чем-то очень родным и ассоциируется с источником тепла. Этот мотив проступает в их отношениях с самого начала, когда в ее неподвижном облике он заметит одну деталь: «сквозь едва раскрытые губы тепло сверкнул ряд белых, тесно поставленных зубов» [5, 76]. И потом он повторяется еще несколько раз, как, например, в сцене их единственного свидания: «ему почудилось, что кто-то подошел и близко стал сзади его... чем-то теплым повеяло оттуда... Он оглянулся... Она!» [5, 82]

Более того, тесным образом тема любви в этом ее аспекте соприкасается с темой смерти и человеческого бессмертия [9]. Именно переживание связи с Klarой после ее смерти побуждает Аратова размышлять о свойствах человеческой души. Сам себе он признается, что явление девушки, с одной стороны, напугало бы его. Однако, с другой стороны, — он обрадовался бы ему, так как «это было бы доказательством, что есть другой мир, что душа бессмертна!» [5, 106]. И далее мы видим, что по мере того, как крепнет связь между ним и Klarой, страх смерти постепенно исчезает у Аратова. Она мыслится им как неизбежный этап, который необходимо преодолеть на пути к счастью. «Умереть — так умереть. Смерть теперь не страшит меня нисколько. Уничтожить она меня ведь не может? Напротив, только так и там я буду счастлив... как

не был счастлив в жизни, как и она не была» [5, 115]. Как замечает по этому поводу А. Б. Муратов, «тургеневский герой утверждает в мысли о величии любовного чувства, красоты его, даже если оно доставляет человеку страдания и приносит смерть. Вся повесть строится в соответствии с этой идеей. Аратов в конце концов подчиняется любовной власти с радостным чувством; любовь побеждает смерть и торжествует над нею» [8, электронный ресурс].

Эти переживания очевидным образом связаны в сознании героя не с темной мистикой. В художественном пространстве текста они получают религиозное измерение и конфессиональную интерпретацию, благодаря отсылкам к библейскому тексту. Именно в том опыте, который зафиксирован в Священном Писании, Аратов находит поддержку своим переживаниям. «Мысли о бессмертии души, о жизни за гробом снова посетили его. Разве не сказано в Библии: “Смерть, где жало твое?” <...> Библейское изречение особенно подействовало на Аратова» [5, 105].

Итак, власть, которая связала Клару и Аратова, переживается героем не только как вторжение в его жизнь «Неведомого», враждебных сил природной стихии. Наряду с этим это и власть любви в Евангельском смысле: «“Большее сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за друга своя...” Он подумал: “Не так сказано. Надо было сказать “Большее сея власти никто же имать...”» [5, 105] Аратов провозглашает здесь одно из фундаментальных положений христианской религии. Подлинная сила и власть — это любовь. Именно это показал Своей жизнью и смертью Христос. Истинная любовь связывает людей так крепко, что способна преодолеть саму смерть, которой перед ее лицом просто не существует. Безусловно, речь идет не просто о любви, как половом влечении между мужчиной и женщиной. Но скорее о том фундаменте, на котором основывается само бытие в различных его проявлениях. На наш взгляд, отношения между Аратовым и Кларой во многом демонстрируют именно эту идею. Вспомним, что Клара при жизни совершенно не привлекала Аратова как женщина. Влечение, которое возникло после ее смерти и описание его чувственных проявлений (Аратов «вспоминал он тот поцелуй... и чудный холод быстро и сладко пробегал по всем его членам» [5, 115]) — скорее способ указать на более глубокую связь, которая глубже всяких чувств и самой сексуальности и которая может возникнуть только при условии душевной чистоты и непорочности.

С особой силой тема торжествующей любви и ее победы над смертью проявляет себя в финальной сцене повести. Умирая, Аратов обращается к Платоше: «Тетя, что ты плачешь? тому, что я умереть должен? Да разве ты не знаешь, что любовь сильнее смерти? Смерть! Смерть, где жало твое? Не плакать, а радоваться должно — так же, как и я радуюсь» [5, 117]. «Смерть, где твое жало?» — первая половина

цитаты из послания апостола Павла к Коринфянам (1Кор. 15:55). Она имеет продолжение: «ад, где твоя победа?» В данном случае возникает аллюзия на пасхальное богослужение. Ведь именно в таком цельном виде эта цитата приводится в «Слове огласительном на Святую Пасху» свт. Иоанна Златоустого, которое по богослужебной традиции Православной Церкви читается перед праздничной Литургией. Именно эта радость Пасхи как преодоления смерти венчает собой земные метания Клары и Аратова, и вместе с тем дает надежду на обретение человеком счастья там, за пределом жизни. Предчувствуя это, Аратов и говорит Платоше: «Я счастлив» [5, 114]. А перед самой смертью сообщает ей «о заключенном, о совершенном браке; о том, что он знает теперь, что такое наслаждение» [5, 117].

Так возникает мотив всепримиряющей смерти, который нам знаком по финальной сцене романа «Отцы и дети» и который не раз повторяется в цикле «таинственных повестей» (в первую очередь в повестях «Фауст», «Несчастливая», «Рассказ отца Алексея», «Бригадир»). Лишь после смерти человек способен достичь того, к чему он стремится как существо личное и бессмертное, а также испытать то состояние, которое в этой жизни ему не дано пережить. Поэтому первоначально повесть и носила название «После смерти», что в большей степени, по мысли ряда исследователей [5, 426], отображает замысел писателя. Намек на то, что главное событие истории выходит за пределы этой жизни и развернется там, за порогом смерти. Здесь же, на земле, царствует закон равнодушной природы. Поэтому и заключается повесть взглядом на происходящее с точки зрения Платоши [10, 85–86], для которой этот высокий опыт пока закрыт: «И опять на лице умирающего засияла та блаженная улыбка, от которой так жутко становилось бедной старухе» [5, 116].

Таким образом, сюжет повести можно рассматривать как историю внутренней трансформации героя. Если в начале произведения перед нами «впечатлительный», «нервный» и «мнительный» юноша, который подобно Гамлету [11] заиклен на самом себе и с подозрением относится ко всему иррациональному, то в финале мы видим человека, который полностью отдается любовному чувству, весь превращается в порыв, на который способны лишь Дон-Кихоты, люди веры и долга. То, к чему он вначале относился скептически, с неприязнью, открывает ему свою подлинную глубину и красоту и помогает реализовать себя, пусть и после смерти, как личностное начало. Этим обусловлена и эмоциональная динамика повествования: настроение тоски-уныния сменяется настроением тоски-надежды. Однако поскольку описываемые события даны также с точки зрения няни Аратова, Платоши, и самой Клары, тоскливая тональность в ее отрицательном аспекте присутствует в повести до самого конца.

Итак, в художественном пространстве повести «Клара Милич» настроение тоски тесным образом связано с образной системой произведения, участвует в развитии сюжета и возникает по той причине, что в этом мире господствуют природные силы, которые мыслятся как враждебные по отношению к человеку. Они вторгаются в его жизнь под видом таинственных сил. Последние представлены как любовное чувство, насильственно порабощающее человеческую волю, а также под видом судьбы, которая не дает возможности обрести счастье здесь, на земле. Как любовь, так и судьба не позволяют человеку реализовать себя как личностное существо, но делают его подобным сомнамбуле. Тесным образом любовь соседствует со смертью, которая вселяет ужас в сердца людей. В ситуации тотальной власти этих природных сил в мире человек не в силах реализовать свое высоко духовное достоинство, связанное с личным бытием. Свое отношение к этому аспекту любовного чувства повествование передает посредством настроения тоски-уныния.

Однако, с другой стороны, мотив тоски структурно неоднороден и содержит в себе настроение надежды, которое обогащается мотивами радостного предчувствия. Подобное настроение также непосредственно связано с любовным чувством, которое представлено в произведении как нечто светлое, возвышенное, доступное лишь тем, кто чист душой и телом. Такая любовь побеждает смерть, помогает человеку преодолеть инертность природы и собственного эгоистического «я» и в результате становится для него источником счастья, а также опытом, в котором он обретает себя как бессмертная, свободная личность. Речь идет о любви жертвенной, преображающей. В данном случае писатель подходит к одной из глубочайших христианских интуиций. Смерть мыслится всего лишь как переход в иной мир, в котором человек и может обрести желаемое счастье, реализовать себя как личность, чей духовный потенциал неисчерпаем. Смерть перестает быть страшным, жутким событием. Как замечает по этому поводу В. Н. Топоров, она «открывает путь к свободе, к освобождению от уз времени <...> Смерть, как и любовь, открывает возможность вхождения в вечность. Именно через любовь жизнь и смерть взаимосвязаны на последней их глубине и придают друг другу особое значение, чем неотвратимей смерть, тем выше цена жизни, определяемая ее смыслом» [12, 55]. Именно мотив любви, побеждающей смерть, а также мотив смерти как примирения сообщает произведению настроение надежды, благодаря чему унылая тональность повествования обогащается оптимистическими настроениями.

Итак, мотив тоски представлен в своем динамиче-

ском аспекте: «тоска от» тесным образом переплетается с «тоской по». Обе имеют метафизическое основания и глубоко укоренены в теистической парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т. А. Касаткина. — М.: Наследие, 1996. — 336 с.
2. Зеньковский В. В. Миросозерцание И. С. Тургенева / В. В. Зеньковский // Издательство «Русский путь». [Электронный ресурс] URL: https://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php#_edn7 (дата обращения: 20.01.2021).
3. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. — Л.: Сов. писатель, 1967. — 396 с.
4. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева / И. А. Беляева. — М.: Изд-во МГПУ, 2005. — 252 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Тургенев И. С. — АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). — М.: Наука, 1982. — Т. 10. Повести и рассказы 1881–1883; Стихотворения в прозе 1979–1883; Произведения разных годов. — 608 с.
6. Дедюхина О. В. Образ демонической женщины в повестях И. С. Тургенева / О. В. Дедюхина // Интерактивная наука. — Чебоксары: Изд-во ООО Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. — № 10. — С. 105–108.
7. Лазарева К. В. Традиции жанра видений в повести И. С. Тургенева «Клара Милич (После смерти)» / К. В. Лазарева // Спасский вестник. — Спасское-Лутовиново: Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», 2005. — № 12. — С. 49–53.
8. Муратов А. Б. Тургенев-новеллист / А. Б. Муратов. — Режим доступа: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000014/st000.shtml> (дата обращения: 20.01.2021).
9. Сенькина Ю. Н. Тургеневская концепция любви в интерпретации ученых / Ю. Н. Сенькина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — № 101. — С. 183–188.
10. Федунина О. В. Функции снов и видений в «Кларе Милич» И. С. Тургенева (специфика сюжета и жанровая традиция) / О. В. Федунина // Новый филологический вестник. — М.: Изд-во ООО «Смелый дизайн», 2008. — № 1 (6). — С. 85–86.
11. Хрисанова А. П. Реализация психологического сюжета в «таинственной» повести И. С. Тургенева «Клара Милич» / А. П. Хрисанова, О. Ю. Саленко // Научные труды молодых ученых-филологов XIV. — М.: Изд-во МПГУ, 2015. — С. 76–81.
12. Топоров В. Н. Странный Тургенев (четыре главы) / В. Н. Топоров. — М.: РГГУ, 1998. — 192 с.

Московская духовная академия

Барцкиий Д. С., кандидат богословия, доцент кафедры филологии

E-mail: Baricky1981@yandex.ru

Moscow Theological Academy

Baritskii D. S., Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Philology

E-mail: Baricky1981@yandex.ru